

Часть первая.
ВОЛЯ

1. РАСПРАВА

Вожак был зол. Злоба, жестокая, неудержимая, переполняла широкую грудь, клочкотала внутри, перехватывала горло жгучими спазмами и вырывалась наружу низким, хриплым и грозным рычанием. Желто-зеленые яркие глаза остекленели от гнева. Он не мигая смотрел на врага, и казалось, только краткий миг отделяет его от нападения, от стремительного прыжка, после которого противник будет смят, уничтожен, растерзан... Но от броска его удерживал огромный опыт, умение в бою не подчиняться гневу, разумно и точно выбрать момент боевой удачи.

Старый опытный Вой хорошо знал своего врага. Это был Чужак, принятый им самим в стаю две недели назад. Семья шла тогда по следу двух лосей всю ночь. На рассвете волкам удалось настигнуть сохатых и окружить молодого быка. Несмотря на свою молодость, сильный и смелый лось упорно оборонялся, не подпуская волков, не давая им зайти сзади, все время угрожал смертоносными передними копытами. И в тот самый момент, когда матерая волчица в очередной раз отскочила от быка, увертываясь от удара, на лося из-за сугроба внезапно прыгнул незнакомый крупный волк, молниеносно рванул зубами, вырвал большой кусок мяса из ляжки. Кровь брызнула на снег, хлестнула алой струей — как сигнал, как призыв к всеобщему нападению.

Часть первая. ВОЛЯ

Стая мгновенно кинулась на жертву... Волк-чужак не был отвергнут — он помог овладеть добычей. Три дня волки жили возле туши, пока не было съедено все, кроме нескольких костей. Присутствие и участие в трапезах Чужака они принимали мирно и молча.

Вожак не возражал. Его стая, его семья — небольшая, состоявшая всего из пяти волков, — пополнилась еще одним сильным и опытным бойцом.

И вот теперь он, Чужак, стоял напротив — оцетинившийся, озлобленный, готовый к борьбе с ним, вожаком, подчинение которому — закон для стаи.

Остальные четверо волков настороженно ждали, что будет дальше. Это была семья Воя. Волчица, матерая, умная Мага. Много зим она была его подругой, много раз приносила ему щенков. Именно так — «Ма-а-г-х-к-г-га» — подзывал он ее к себе, когда ложился на дневку, чуть поодаль от молодых, и хотел, чтобы волчица, свернувшись клубком, как и он, улеглась в шаге от него. Негромкое, едва различимое мычание раздавалось тогда из его приоткрытой пасти, и волчица тотчас являлась на этот зов.

Она стояла ближе всех к своему повелителю и другу, внимательно, очень внимательно наблюдая за выражением его морды, за движениями: не подаст ли знака, не призовет ли?.. Но кроме внимания, настороженности и готовности в ее глазах нет-нет да и загорался огонек любопытства, интереса: сумеет ли ее Вой справиться с врагом, повергнуть его? А вдруг нет?

В семье было два переярка: самец Ва (он всегда начинал вой именно с этого четкого звука «Ва») и самка Зуа (зевая, она сладко потягивалась, широко раскрывала пасть, кольцом изгибала язык и звонко вытягивала: «Зу-а-а»). Эти крупные и сильные волки-двушлетки стали уже неплохими добытчиками для семьи.

Оба переярка стояли рядом с матерью-волчицей, на полшага дальше, чем она, от вожака.

Пятым в стае был единственный молодой прибылой волк. Вернее даже — волчонок, родившийся прошедшей весной. Набрасываясь на еду, он успевал несколько раз причмокнуть, сухо и четко издавая странный звук: «Ко! Ко! Ко!» Волчонку Ко еще не исполнилось года, он был худощав и недостаточно силен, но высок и осанкой напоминал отца. Можно было надеяться, что он, единственный оставшийся в живых из последнего помета, впоследствии станет таким же могучим, как вожак-отец. Стоило Вою подать сигнал, и стая бросилась бы на Чужака, но он не мог этого сделать: победить, повергнуть врага должен был он сам.

Уже девять ночей стае не везло. Охота никак не удавалась. По приказу вожака последние трое суток волки промышляли даже днем, но кроме мелочи — трех зайцев — ничего не удалось добыть. Волки были очень голодны и озлоблены. И когда на рассвете Вой после короткого отдыха снова поднял стаю, Чужак оскалил клыки и пошел на вожака. Чужак восстал против его власти, не подчинился... Видимо, он сам недавно был вожаком и уже отвык подчиняться. Победа над ним была теперь уже необходима Вою как подтверждение своей силы и власти.

Чужак стоял, обнажив в оскале длинные, чуть начавшие желтеть клыки. Он был моложе Воя, но пять или шесть трудных зим, оставшихся позади, сделали его сильным и опытным. Чужак хотел хоть немного испугать вожака перед боем, поколебать его волю, его решимость.

Однако старый вожак был не из тех, кого можно взять на испуг. Много повидал он на своем веку, многое пережил. Сейчас он сделал вид, будто замешкался и, словно растерявшись, повернулся вполоборота, подставив шею врагу.

Такой возможности Чужак пропустить не мог. Ненавистная и совсем незащищенная гривастая шея была почти рядом. Достаточно рвануть ее клыками, как хлынет теплая кровь вожака, и сразу можно стать хозяином стаи, пусть не своей, не родной, но все равно хозяином, повелителем. И разъяренный Чужак взметнулся в броске...

Вот тогда настороженная стая увидела и коварство, и силу, и молниеносность действий старого волка. Отскочив в сторону, Вой оказался сбоку от врага и тут же глубоко вонзил клыки в его загривок, ударив грудью. Из рваных, словно ножевых ран на шее противника хлынула горячая дымящаяся кровь, и он, сбитый вожаком, рухнул в сугроб.

Старый волк гордо и спокойно стоял в стороне, не поворачивая головы, однако боковым зрением внимательно наблюдал, как стая быстро и жестко расправлялась с послушником.

Рассветные сумерки рассеялись, первые лучи алого зимнего солнца, предвещавшего светлый и не холодный день, легли на белые сугробы. Вожак стоял словно в задумчивости, собираясь увести семью на дневку, подальше от этих мест, которые вызывали у него тревогу.

Опять в его стае было пятеро вместе с ним. Совсем недавно они потеряли шестого. Это был самец-перейрок. Он погиб во время охоты. Могучий лось ударил его передней ногой в голову и убил. Он так и остался лежать на снегу с раздробленным черепом. И снег заporошил его, закрыл белым сугробом, словно и не было на свете этого волка никогда. А стая ушла дальше. Нет, далеко не всегда волки рвут, уничтожают побежденного, раненого или убитого своего сородича. Это случается только по приказу вожака. Как наказание, как расплата за нарушение великого и единого закона стаи.

Вой все стоял, вслушиваясь в тишину. Волки уже обступили его, ожидая приказа. Ему достаточно было повернуться в сторону высокого старого сосняка и сделать два шага, как семья мгновенно расположилась походным строем — матерая Мага впереди, вслед за ней Ва, Зуа и Ко, оставляя ответственное, главное место замыкающего в строю вожаку. Они двинулись след в след, уверенные в безопасности своего тыла, где старый волк старательно охранял стаю.

Прошло несколько дней. Стая уже подкормилась на удачной лосиной охоте и спокойно дневала в густом темном

ельнике. У самых корней кряжистого дерева, свернувшись в клубок, спала Мага, каждый ее выдох теплым паром клубился над ней, тотчас оседая белым инеем на низкой еловой ветке. Рядом в сугробах лежали другие волки.

Внезапно все пятеро вскочили словно по команде — невдалеке звонко залаяла собака.

Один только миг вожак раздумывал. Бесшумно и быстро следом за ним волки пошли на этот лай легким наметом. За оврагом, у молодого осинника, откуда слышался лай, вожак остановился. По направлению движения собаки, по тому, как она лает, старый волк уже знал, что пес гонит зайца. Человек, охотник, должен был находиться по другую сторону осинника. Лай приближался, и вожак понял, что путь гона пройдет здесь. Он вмиг выбрал место для засады. Лег. Семья последовала за ним, поняв его замысел.

Заяц, испуганный и стремительный, несясь, прижав длинные уши, и ничего не видел и не слышал вокруг, кроме этой оглушительной, неотвратимой, гавкающей смерти, преследующей его по пятам. Но волкам сейчас нужен был не заяц. Лишь оба переярка и волчонок Ко проводили беляка глазами, но не шелохнулись. Опытная Мага на зайца даже не взглянула. Она знала, что вожак ждет собаку.

Увлеченный охотой крупный ярко-рыжий гончий пес легко бежал, добросовестно облаивая зайчишку, и вдруг учуял острый, леденящий его собачью душу запах стаи. Он попытался резко остановиться, уперся всеми четырьмя лапами и, бороздя снег, заскользил. Но было поздно. Крупный старый волк уже бросился на него. Вою случилось и раньше нападать на собак. И каждый раз к его обычной охотничьей злобе словно прибавлялось свирепое чувство мести за постоянный страх перед человеком, перед собачьим лаем, за которым всегда следует человек. Охотник ясно, отчетливо услышал последний, хрипло-надрывный, оборвавшийся лай и понял все. Он что есть духу заскользил через осинник, стреляя на ходу вверх, чтобы напугать волков. И — напрасно. На месте

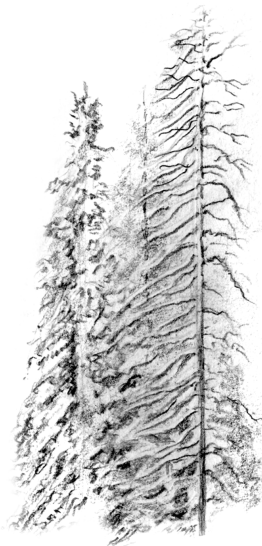
1. Расправа

волчьей засады он увидел лишь утоптаный и густо забрызганный кровью снег...

Волки уходили спокойным шагом, мерно натаптывая свой бесконечный след по лесным тропам, по снежной целине.

Они шли, разрушая девственную гладь снегов и впечатывая свои следы — однообразный и четкий рисунок волчьей бродячей жизни — как право на эти просторы, на волю, на добычу.

День был светел — от снегов, от белых стволов берез, только волки, идущие ровной цепью, казались издали черными точками.

2. НАБЕГ

Старый вожак встал. Следом один за другим поднялись остальные. Страхивая снег, они не спеша потягивались, разминая крепкие тела.

Вой глянул мельком на родичей, мгновенно заметил все мелочи: кто куда смотрит, кто к кому ближе. Бодры, сильны ли? Готовы ли к бою, к охоте? Приседая на задних ногах, сладко, сонно потянулся. В мышцах ног и спины приятно защемило, он отчетливо услышал негромкое похрустывание в старых суставах.

Большая круглая луна лежала на вершинах дальних елей, словно наколовшись на их острия. Мелкие колючие звезды рассыпались на черном небе. Вой, стоя на снежном бугорке, разглядывал яркую луну, в свете которой глаза волков поблескивали оранжевыми огоньками. Неведомая сила, волнующая его широкую грудь, заставляла всматриваться в огромный таинственный диск, не отрывая от него глаз ни на мгновенье. Вот он подобрался, закинул голову. Из его приоткрытой пасти вырвался, понесся в ночной простор мощный, звонкий и тягучий вой, будто прорвалась через горло волка, выплеснулась в ночь вся тоска, которая накопилась, наболела. Озаренная луной снежная дорога уходила от опушки в поле и дальше — к человеческому жилью. Волки знали эту дорогу и шли по ней быстро, размеренно, без остановок.

